

О «ЧЕРНЫХ МИФАХ» И ИХ ОПРОВЕРЖЕНИИ

(размышления по поводу статьи Владимира Братченко
«Вторая страсть маршала Тухачевского»)

Ирина Федотова,

*ведущий архивист Центра изучения истории Гражданской войны
Исторического архива Омской области,
биограф М.Н. Тухачевского*

В журнале «Смена» за октябрь 2023 года была опубликована статья В. Братченко, посвященная яркой личности Маршала Советского Союза М.Н. Тухачевского. Биография этого военного деятеля еще при его жизни обросла легендами как в СССР, так и в эмигрантской среде, а в постсоветское время о нем были созданы многочисленные «черные мифы». И, несмотря на то, что многие подобные мифы уже рассмотрены и опровергнуты профессиональными историками, например, Н.И. Шило, А.В. Глушко, А.С. Бобковым¹, они продолжают хождение. Один из примеров — упомянутая выше статья В. Братченко. Цель данной работы — выявление ошибок, которые допустил автор при подготовке своей публикации.

Уже в аннотации статьи допущена неточность: «В 2023 году исполнилось 120 лет со дня рождения прославленного полководца...» На самом деле, в этом году мы отмечаем 130-летие со дня рождения М.Н. Тухачевского. Отметим, что идут споры о происхождении старинного дворянского рода Тухачевских. По рассказам сестер маршала, эта фамилия появилась в XV в., когда великий князь Василий II Темный пожаловал далекому предку советского полководца Богдану Григорьевичу деревню Тухачевский стан (под Коломной) вместе с селом Скорино и волостью Тухачевской в Московском уезде. По названию своих владений род получил фамилию. Сами Тухачевские вели свой род от Индриса, сына графа Фландрии Балдуина IX из рода французских королей². Интересно, что бабушка будущего маршала

¹ Бобков А.С. К вопросу об использовании удушающих газов при подавлении Тамбовского восстания // Скепсис. 2011. Сетевой журнал. URL: http://sceptsis.ru/library/id_2974.html (дата обращения: 22.10.2023); Шило Н.И., Глушко А.В. Маршал Тухачевский. Мозаика разбитого зеркала. М.: Центрполиграф, 2014. 720 с.

² Минаков С.Т. Сталин и его маршал. М.: Яуза, ЭКСМО, 2004. С. 150.

Софья Валентиновна была наполовину итальянка (девичья фамилия — Гаспарини). А вот матерью М.Н. Тухачевского стала действительно простая крестьянка, только звали ее не «Марья», как пишет В. Братченко, а «Мавра». У Михаила Николаевича действительно было пять сестер: Надежда, Софья, Ольга, Елизавета и Мария, но, как мы видим, ни одна из них не носила имя «Елена», здесь автором допущена неточность. Александр Тухачевский был не старшим, а младшим братом Михаила, как и Игорь.

Определившись с семейным кругом будущего полководца, перейдем к его «второй страсти» после военного дела — музыке. Первую скрипку Михаилу купил не отец, как пишет В. Братченко; по воспоминаниям сестер, юноша сделал ее сам. Несмотря на любовь к музыке, Михаил никогда не собирался поступать в консерваторию, «военное начало» взяло верх в его душе еще в детстве, и он специально плохо учился в обычной гимназии, чтобы отец перевел его в кадетский корпус.

Далее следует фрагмент об обучении М.Н. Тухачевского в военных учебных заведениях. Он также изобилует погрешностями. Например, неверны строки автора о том, что у М.Н. Тухачевского не было друзей в годы учебы в кадетском корпусе из-за стремления к лидерству и деспотизму. Это утверждение опровергается воспоминаниями П.Н. Лермонтова (потомка прославленного поэта), однокашника М.Н. Тухачевского, опубликованными в журнале «Юность» в 1975 году. Портрет маршала стоял у Петра Николаевича на рабочем столе, и он с теплотой вспоминал своего друга:

«Мы с ним вместе учились в кадетском корпусе. Он был старше меня, и чаще всего мы встречались в музыкальном классе. Я играл на кларнете, а Тухачевский на скрипке. Миша всегда кричал мне: "Лермонтович, перестань гудеть — мне играть невозможно". А я ему отвечал: "Твоя скрипка наводит меня на грустные мысли". Посмеемся, он отойдет в угол и там играет...» Вот такой страшный деспотизм!

Правда, есть воспоминания некоего В.Н. Посторонкина, рассказывающего о «диктаторских замашках» М.Н. Тухачевского, проявленных им как раз в Александровском военном училище, где он, по мысли В. Братченко, якобы остерегался «отпрысков богатых и влиятельных семей» и умерил «диктаторский пыл». Надо сказать, что воспоминания указанного В.Н. Посторонкина крайне тенденциозны и содержат множество ошибок, поэтому их нельзя использовать для реконструкции биографии маршала.

Представлен Николаю II М.Н. Тухачевский был в годы учебы в Александровском военном училище, а не в кадетском корпусе. Указанное заведение М.Н. Тухачевский закончил не в «тройке лучших», а вообще первым по

баллам³. Первая мировая война тогда была «не в разгаре», разворачивалась мобилизация.

События фронтовой биографии будущего маршала В. Братченко описал в целом верно, мы лишь добавим, что все награждения М.Н. Тухачевского орденами подтверждаются документами из Российского государственного военно-исторического архива, вопреки «черным мифам» о «приписанных наградах». Но В. Братченко транслирует другой миф — о якобы «нарушении Тухачевским офицерского слова «не бежать» при побеге из плена. На самом деле, Тухачевский не давал подобного слова, обманув вместе с приятелем С.С. Чернивецким руководство лагеря, о чем он написал коменданту перед удачным побегом (письмо выявила и опубликовала биограф полковника Ю.З. Кантор): *«Милостивый государь! Я очень сожалею, что мне пришлось замешать Вас в историю моего побега. Дело в том, что слова я не убежать с прогулки не давал. Подпись моя на Ваших же глазах и в присутствии французского переводчика была подделана капитаном Чернивецким, т.е. попросту была им написана моя фамилия на листе, который Вы подали ему, а я написал фамилию капитана Чернивецкого на моем листе. Таким образом, воспользовавшись Вашей небрежностью, мы все время ходили на прогулки, никогда не давая слова. Совершенно искренно сожалею о злоупотреблении Вашей ошибкой, но события в России не позволяют колебаться. Примите уверения в глубоком почтении Подпоручик Тухачевский 10 августа 1917 г.»* Чтобы оформить документы и получить материальную поддержку для возвращения на Родину, М.Н. Тухачевский в Париже, в русском посольстве, встретился с военным атташе графом А.А. Игнатьевым. Последний написал 12 октября 1917 г. своему коллеге в Великобритании Н.С. Ермолову письмо с просьбой оказать М.Н. Тухачевскому содействие в возвращении на Родину.

Отметим, что, описывая выбор М.Н. Тухачевским «красной стороны» после Октябрьской революции, его отечественные биографы, на наш взгляд, забывают о таком важном личном мотиве, как нежелание покинуть мать и младших сестер, оставшихся на советской территории. Избрав «белую» сторону, М.Н. Тухачевский потерял бы связь с семьей, чего допустить не мог.

При описании событий Советско-польской войны В. Братченко не указывает, что М.Н. Тухачевский стал командовать войсками Западного фронта не с начала конфликта, а с апреля 1920 г. Кроме того, автор по старой не-

³ Кантор Ю.З. Война и мир Михаила Тухачевского. М.: Издательский дом «Огонек»; «Время», 2005. С. 31, 36.

доброй традиции возлагает всю вину в поражении Советской России на М.Н. Тухачевского. На самом деле, ответственность за «Чудо на Висле» должны разделить несколько человек. Виноваты и М.Н. Тухачевский, и А.И. Егоров (командующий Юго-Западным фронтом, который не передал Западному фронту часть своих армий), и, наконец, главком С.С. Каменев (не скоординировал действия Тухачевского и Егорова). Также вклад в поражение РККА внесли польские разведчики, расшифровавшие коды Штаба Западного фронта и знавшие о планах М.Н. Тухачевского⁴. Конечно же, молодой командарм находился под большим влиянием В.И. Ленина, который очень большое значение придавал взятию Варшавы, о чем телеграфировал 19 августа 1920 г. РВС Западного фронта: «(...) *Необходимо налечь изо всех сил, чтобы белорусские рабочие и крестьяне, хотя бы в лаптях и купальных костюмах, но с немедленной и революционной быстротой дали Вам пополнение в тройном и четверном количестве...*» И напрасно В. Братченко пишет, что поиск виновных за поражение под Варшавой отложили до 1937 г. Травля М.Н. Тухачевского (на выступлениях и в литературе) началась еще во время его «опалы» на рубеже 1920-х–1930-х гг.

Описывая подавление М.Н. Тухачевским антисоветских восстаний 1921 г., В. Братченко транслирует широко известный миф об использовании «отравляющих газов» на Тамбовщине. Поскольку этот сюжет стал объектом для многочисленных спекуляций далеких от истории людей, попробуем разобраться, что же произошло летом 1921 г. в восставшем регионе.

М.Н. Тухачевский был назначен командующим войсками Тамбовской губернии 27 апреля 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б) отдало ему месяц для ликвидации «антоновщины». М.Н. Тухачевский прибыл в Тамбов 12 мая. Решающие операции против повстанцев начались 28 мая. К 15 июля 1921 г. их общая численность в Тамбовской губернии сократилась, по сравнению с данными на 1 мая, в 17^{1/2} раз и составила 1200 человек⁵. Что касается печально известного приказа № 0116 от 12 июня 1921 г. о применении «ядовитых газов», то подчеркнем, что он не был направлен против мирного населения, которое планировалось оповещать о применении газов заранее в каждом случае⁶. Вопреки «мифам» о массированном при-

⁴ Zamoyski A. Warsaw 1920. Lenin's failed conquest of Europe. Great Britain. Harper Collins Publishers, 2008. P. 28.

⁵ Самошкин В.В. Антоновское восстание / Исследования новейшей русской истории. М.: Русский путь. 2005. Вып. 9. С. 100, 103–105, 131.

⁶ «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1920–1921 гг.: Документы, материалы, воспоминания. Тамбов: Государственный архив Тамбовской области и др. 2007. С. 406, 401.

менении химического оружия, документально установлены всего три случая газоснарядных обстрелов без человеческих жертв: в районе Смольной вершины в ночь с 12 на 13 июля (израсходовано 15 химических снарядов), во время операции южнее озера Ильмень 14 июля (50 снарядов), а также при очистке Паревского леса 2 августа (59 снарядов). Количество выпущенных снарядов было заведомо недостаточно, чтобы создать поражающее облако, для поддержания которого даже на короткое время потребовалось бы тысячи снарядов из сотен орудий. Газобаллонных атак, вопреки современным представлениям, не было. В Интернете «ходит» фотография, которую часто выдают за снимок эпизода «газовых (газобаллонных) атак» на Тамбовщине летом 1921 г.; при этом «интерпретаторы» предусмотрительно убирают городскую застройку с заднего плана фото. На самом деле кадр сделан на учениях курсантов Высшей военно-химической школы в Москве в 1923 г. На курсантах хорошо видны головные уборы, введенные Приказом РВСР № 322 от 31 января 1922 г., т.е. этот снимок никак не 1921 г.

Как «доказательство» газобаллонных атак в Тамбовской губернии летом 1921 г. иногда используют кадры из учебной ленты 1920-х гг. о противохимической обороне. Но в ленте есть ряд неточностей, реально не имевших места: 1) бойцы химкоманды в окопах находятся без противогазов, что недопустимо при подготовке и проведении газопуска; 2) газопуск начался до окончания его подготовки — на одном конце окопа уже начался выпуск газа, а на другом конце его только начали открывать, то есть показана не реальная газовая атака, а лишь обозначена подготовка к ней.

Другая часть этого «мифа» — что под Тамбовом якобы использовался хлор, иприт и т. д. На самом деле при обстреле снарядами применялся слезоточивый газ (лакриматор) хлорпикрин, который до сих пор используется в войсках для обучения личного состава работе с противогазами⁷.

Также заметим, что оккупация восставших районов (как и система заложничества и создание лагерей) на Тамбовщине, которая часто ставится в вину М.Н. Тухачевскому — вовсе не его изобретение, эта политика широко проводилась еще до его приезда в губернию⁸.

⁷ Шило Н.И., Глушко А.В. Маршал Тухачевский. Мозаика разбитого зеркала. М.: Центрполиграф, 2014. С. 358, 367, 384, 373.

⁸ Федотова И.В., Паслён В.В. «Черные мифы» о Тухачевском в постсоветский период // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV международной научно-практической конференции (20–21 октября 2021 г., Омск). Омск: ОмГТУ. С. 310.

Конечно же, В. Братченко коснулся и личной жизни М.Н. Тухачевского, явно руководствуясь «воспоминаниями» некоей писательницы-эмигрантки Лидии Норд, якобы родственницы «Лики», называемой второй женой М.Н. Тухачевского. Но на самом деле М.Н. Тухачевский женился в 1921 году не на таинственной «Лике», а на Нине Евгеньевне Гриневич, а их дочь Светлана родилась 15 сентября 1922 года. Вообще «мемуары» Л. Норд крайне запутаны, содержат много ошибок и искажений информации, и доверять им, как и «воспоминаниями» В.Н. Посторонкина, нельзя. Добавим, что дочь (да, тоже Светлана) многолетней возлюбленной М.Н. Тухачевского Ю.И. Кузьминой родилась в браке с Н.Н. Кузьминым.

Завершая статью, В. Братченко приводит распространенные мифы о планах М.Н. Тухачевского по строительству РККА. Цель превращения Красной армии в самую сильную армию в мире, способную защитить Родину, всегда присутствовала в жизни Михаила Николаевича (а не только после получения им маршальского звания в 1935 г.). Приведенная В. Братченко фраза из воспоминаний французского публициста П. Фервака «Мы встряхнем Россию, как грязный ковер, а затем мы встряхнем весь мир», была произнесена М.Н. Тухачевским в плену до Октябрьской революции и говорила больше о его сочувствии революционным настроениям и типичном для молодого человека желании подорвать старые устои, чем о конкретном плане создания новой армии. К сожалению, В. Братченко воспроизвел и старый миф о том, что М.Н. Тухачевский предлагал строить по «100 тысяч танков и 40 тысяч самолетов в год».

Истоки данного мифа появились еще в конце 1920-х–начале 1930-х гг., возродившись в перестроечное время. Детальное изучение документов опровергает эти «выводы».

М.Н. Тухачевский действительно предлагал программу модернизации РККА, заключавшуюся в создании сильной авиации и бронетанковых войск, перевооружении пехоты и артиллерии, развитии новых средств связи и переправочной техники, создании системы перевода промышленности мирных на военные рельсы. Программа М.Н. Тухачевского состояла из ряда проектных докладных записок (1929–1931 гг.). План его модернизации состоял в двусторонней ассимиляции: создании военных производств, которые частично производят мирную продукцию, и гражданских производств, которые путем дополнительных затрат смогли бы приспособиться к быстрому переходу на военные рельсы, что актуально и в наше время. Сам М.Н. Тухачевский писал в докладной записке И.В. Сталину: *«Штаб РККА указывает на необходимость постройки многих крупнейших военных заводов, что я считаю совершенно неправильным. Военное производство может в основном базироваться на гражданской промышленности, что*

я и доказываю цифровыми выкладками в записках о системе мобилизации промышленности и об артиллерийской программе. Из прилагаемых записок Вам будет ясно, что в вопросах подготовки обороны я исхожу из стремления минимальных затрат в мирное время, путем изыскания способов приспособления мирной продукции и органов хозяйственно культурного строительства для целей войны...»⁹

Изначально программа М.Н. Тухачевского встретила непонимание среди высшего военно-политического руководства СССР оттого, что в Штабе РККА неправильно интерпретировали цифры расчетов М.Н. Тухачевского. Но в 1931–1932 гг. предложения М.Н. Тухачевского были приняты. А сам военачальник в июле 1931 г. был назначен заместителем председателя РВС СССР и наркомвоенмора и начальником вооружений РККА. Таким образом, М.Н. Тухачевский получил назначение на должность, от которой зависела боеспособность армии, что стало свидетельством доверия советского руководства к его программе. В 1932 г. И.В. Сталин даже извинился перед ним за резкую критику его предложений¹⁰, что отметил В. Братченко.

И, самое главное — М.Н. Тухачевский не предлагал производить астрономическое количество самолетов и танков в мирное время. Идея о его «прожектерстве» в наше время, по справедливому замечанию историков Н.И. Шило и А.В. Глушко, возникла в связи с тем, что все расчеты М.Н. Тухачевского «вырвали» из контекста. Он пытался оценить максимальные производственные возможности оборонной промышленности (той, которая могла быть задействована при производстве продукции военного назначения, например, тракторо- и автомобилестроения) при ее полной загрузке в течение первого года войны. Таким образом, 100 000 танков — это не танки мирного времени, произведенные до войны, и не танки «перехода от мирного времени к военному», которые выставляются по мобилизации. Это максимальная производственная мощность, выраженная в единицах продукции, которую М.Н. Тухачевский пытался рассчитать. Этих производственных мощностей предполагалось достигнуть к 1932–1933 гг., то есть к концу первой пятилетки. Михаил Николаевич несколько раз отмечал, что говорил именно о максимальных производственных возможностях, и что все расчеты у него шли не по мирному, а по военному времени.

⁹ Докладная записка М.Н. Тухачевского на имя И.В. Сталина с копией К.Е. Ворошилову. Г. Ленинград. 19 июня 1930 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 446. Л. 10 об.

¹⁰ Письмо И.В. Сталина М.Н. Тухачевскому. 5 мая 1932 г. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 447. Лл. 2–3.

«Добавлю еще только, что никаких серьезных увеличений численности армии мирного времени я не считаю возможным производить...»¹¹

Резюмируя, скажем, что М.Н. Тухачевский предлагал способы при минимальном задействовании ресурсов на производство оборонной продукции в мирное время (чтобы не возникло диспропорции в экономике), резко увеличить ее выпуск в военное время, опираясь в главную очередь на собственные силы. Так он, предвидя будущую страшную войну, готовил страну к тому, чтобы она могла обеспечить себя при одновременной войне на несколько фронтов без посторонней помощи.

Конечно, статья В. Братченко имеет и положительные моменты, дает сведения, интересные для читателей. Описана дружба М.Н. Тухачевского и Д.Д. Шостаковича, его увлечение музыкой (любимыми композиторами маршала были не только Г. Берлиоз, но и Л. ван Бетховен, В.А. Моцарт, Н.А. Римский-Корсаков и многие другие), последняя «опала» и арест маршала, реабилитация в 1957 г. Но все-таки хотелось бы пожелать всем будущим биографам полководца не идти на поводу стереотипных представлений, сложившихся в разное время, а обращаться к документальным источникам (благо, что многие документы уже рассекречены, оцифрованы и доступны широкому кругу лиц) и к монографиям исследователей, написанных на основе документов. □

¹¹ Докладная записка М.Н. Тухачевского на имя И.В. Сталина с копией К.Е. Ворошилову. Г. Ленинград. 19 июня 1930 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 446. Л. 8.